

Д. А. БОРОВКОВ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСТОРИОГРАФИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУСИ XI–XII ВВ.
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 2000–2020 ГГ.¹**

**PROBLEMS OF SOURCE STUDY OF THE OLD RUSSIAN WRITING
MONUMENTS AND HISTORIOGRAPHY OF THE SOCIO-POLITICAL
DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE XI–XII CENTURIES
IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE 2000–2020**

In Part 1 the article considers an interpretation in the historiography of Russia between 2000 and 2020 of systematic problems associated with other monuments of Old Russian written culture (Primary Chronicle, The Tale of Igor's Campaign, etc.). In Part 2 the article considers analysis of the concepts of the socio-political system of Old Russia in the historiography of Russia between 2000 and 2020 in which adherents of competing academic theories postulate the predominance of tribal (Alexander V. Nazarenko), communal (Igor' Ia. Froianov, Viktor V. Puzanov, Alexei V. Petrov, etc.) or feudal relations (Mikhail B. Sverdlov, Anton A. Gorskii, etc.) in the Old Russian period.

Keywords: Old Russia, chronicles, historiography, 11th–12th centuries.

Dmitrii A. Borovkov – Candidate of Historical Sciences (CSc), Independent Scholar. E-mail: brancaleone85@mail.ru

---

1 *Citation:* D. A. BOROVKOV, “Problemy istochnikovedeniia pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti i istoriografii sotsial'no-politicheskogo razvitia Rusi XI–XII vv. v rossiiskoi istoricheskoi nauke 2000–2020 gg.” [Problems of Source Study of the Old Russian Writing Monuments and Historiography of the Socio-Political Development of Russia in the XI–XII Centuries in Russian Historical Science 2000–2020], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 117–134. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.16

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В историографии древнерусского летописания первое десятилетие XXI в. можно охарактеризовать как лингвотекстологический структурализм, примером которого являются многочисленные статьи А. А. Гиппиуса по проблемам стратификации «Повести временных лет», основанные на выявлении первичных и вторичных (атематических и тематических) глагольных форм². С одной стороны, в источниковедческих аспектах своих реконструкций А. А. Гиппиус следует за парадигмой Начального летописания, сформулированной в начале XX в. А. А. Шахматовым и предусматривающей в качестве ключевых элементов три редакции «Повести временных лет» (1113, 1116 и 1118 гг.), две из которых (т. н. вторая редакция 1116 г. и третья редакция 1118 г.) дошли до нас в Лаврентьевском и Ипатьевском списках «Повести временных лет» и сходных с ними; предшествующий «Повести временных лет» «Начальный свод», составленный в Печерском монастыре в 1090-х гг., «Первый Печерский свод» 1070-х гг. (свод Никона), ветвь новгородских летописных сводов 1017, 1050 и 1079 гг., к которым А. А. Гиппиус присоединил «свод 1060-х гг.» С другой стороны, А. А. Гиппиус частично учитывает позднейшие корректировки шахматовской парадигмы Начального летописания – например, гипотезу о продолжении «Начального свода» 1090-х гг. погодными записями до середины второго десятилетия XII в. (М. Х. Алешковский), датировку «первой редакции» «Повести временных лет» 1115 г. (М. Д. Присёлков, Л. В. Черепнин), переатрибуцию «ряда Ярослава» и связанных с ним летописных сюжетов от «свода Никона» к «Начальному своду» (А. Тимберлейк, В. Я. Петрухин, Л. В. Черепнин) и т. д.³

2 А. А. Гиппиус, «Рекоша дружина Игореви... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи», *Russian linguistics: International journal for the Study of the Russian Language* 25, no. 2. (2001): 157–181. DOI: 10.1023/A:1010817721013

3 А. А. Гиппиус, «Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет» в *Вереница литер.* К 60-летию В. М. Живова, отв. ред. А. М. Молдован (Москва: Языки славянских культур, 2006), 57–96; А. А. Гиппиус, «К проблеме редакций Повести Временных лет. I.», *Славяноведение*, no. 5. (2007): 20–44; А. А. Гиппиус, «К проблеме редакций Повести временных лет. II.», *Славяноведение*, no. 2. (2008): 3–24; А. А. Гиппиус, «Предисловие к Софийскому временнику (Начальному своду): текст, язык, источники» в *Русский язык в научном освещении*, no. 1. (2010): 45–95; А. А. Гиппиус, «К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания» в *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств.*

В русле лингвотекстологического структурализма написана монография С. М. Михеева, выделяющего на основании комплекса слов-маркеров этапы формирования «Повести временных лет», «Начального свода», «свода 1070-х гг.» и «Древнего сказания» 1016–17 гг., существование которого он постулирует вслед за французским исследователем К. Цукерманом⁴, невзирая на то, что этот постулат противоречит его собственным наблюдениям о текстологическом единстве рассказа о борьбе Ярослава I со Святополком I, помещенного в «Повести временных лет» под 1014–1018 гг., где он выделил первичные и вторичные элементы летописного сюжета, обусловленные, с одной стороны, влиянием «бродячих сюжетов» скандинавской фольклорно-саговой традиции, а с другой стороны, влиянием формирующегося культа князей-мучеников Бориса и Глеба, в причастности к гибели которых С. М. Михеев, следуя историографической традиции, заложенной во второй половине XX в. Н. Н. Ильиным и его последователями (А. С. Хорошев, А. Б. Головкин, И. Н. Данилевский и др.), подозревал Ярослава I⁵. Попытки источниковедческой ревизии летописной трактовки междукняжеской войны 1015–1019 гг. вызвали критику исследователей (А. В. Назаренко, А. А. Шайкин, Е. А. Мельникова и др.)⁶.

Дискуссионным остается вопрос о начальном звене (или, по выражению А. А. Гиппиуса, «Ядре») древнерусского летописания, в качестве которого в историографии XX в. постулировался «Древнейший Киевский свод» 1037–1039 гг. (А. А. Шахматов) или «свод 996 г.» (Л. В. Черепнин). С одной стороны, гипотезы об их существовании

Материалы конференции (Москва: Институт Всеобщей истории, 2012), 41–50; А. А. Гиппиус, «До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции» в *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*, отв. ред. Н. А. Макаров, (Москва – Вологда: Древности севера, 2012), 37–63.

4 С. М. МИХЕЕВ, *Кто писал «Повесть временных лет»?* (Москва: Индрик, 2011).

5 С. М. МИХЕЕВ, *Святополкъ же седе въ Киеве по отци: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках* (Москва: Индрик, 2009).

6 А. В. НАЗАРЕНКО, *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, политических и торговых связей IX–XII веков* (Москва: Языки русской культуры, 2001), 451–476; А. А. Шайкин, «Оставим все как есть...» (по поводу современных интерпретаций убийства святых Бориса и Глеба) в *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 54, отв. ред. О. В. Творогов (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003), 337–369; Е. А. Мельникова, «Эймунд Хрингссон, Ингигерд и Ярослав Мудрый: источниковедческие наблюдения» в *Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века (Славяне и их соседи*. Вып. 16). К 70-летию Б. Н. Флори, отв. ред. Г. Г. Литаврин (Москва: Индрик, 2008), 144–160.

подвергаются критическому пересмотру (В. Я. Петрухин)⁷, с другой стороны предпринимаются попытки реанимации как гипотезы о «своде 996 г.», составленном на рубеже X – XI вв., так и гипотезы о «Древнейшем своде» конца 1030-х – начала 1040-х гг. (Н. И. Милютенко)⁸, или «Повести о Ярославле» (А. В. Назаренко).⁹ В то же время получила распространение точка зрения Т. В. Гимона и А. А. Гиппиуса о гетерогенном характере Начальной летописи, сформировавшейся из анналистических записей и номотематических повествований.¹⁰

Наряду с текстологическим подходом развиваются филологический (А. С. Демин, А. В. Каравашкин, Е. Л. Конявская, А. М. Ранчин, А. А. Шайкин и др.)¹¹ и герменевтический (И. Н. Данилевский)¹² подходы

-
- 7 В. Я. ПЕТРУХИН, «Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание» в *Ярослав Мудрый и его эпоха, 167–180*; то же в В. Я. ПЕТРУХИН, *Русь христианская и языческая. Историко-археологические очерки* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018), 258–269.
  - 8 Н. И. МИЛЮТЕНКО, «Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод)» в *Rossica Antiqua 2006. Исследования и материалы*, отв. ред.: А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006), 156–167.
  - 9 А. В. НАЗАРЕНКО, «Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2013. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья*, отв. ред.: Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон (Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2016), 593–653.
  - 10 Т. В. ГИМОН, А. А. ГИППИУС, «Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы)» в *Жанры и формы в письменной культуре средневековья* (Москва: Институт мировой литературы РАН, 2005), 174–200; Т. В. ГИМОН, «К проблеме зарождения историописания в Древней Руси» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2013*, 748–800.
  - 11 А. С. ДЕМИН, *О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. От Илариона до Ломоносова* (Москва: Языки славянской культуры, 2003); А. С. ДЕМИН, *Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.)* (Москва: Языки славянских культур, 2009); А. С. ДЕМИН, *Древнерусская литература как литература (о манерах повествования и изображения)* (Москва: Языки славянских культур, 2015); А. В. КАРАВАШКИН, *Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.)* (Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011); А. В. КАРАВАШКИН, *Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.)* 2-е изд., доп. (Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018); Е. Л. КОНЯВСКАЯ, *Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV вв.)* (Москва: Языки русской культуры, 2000); А. М. РАНЧИН, *Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях* (Москва: Новое Литературное Обозрение, 2007); А. А. ШАЙКИН, *Повесть временных лет: История и поэтика* (Москва: Русская панорама, 2011); А. А. ШАЙКИН, *Древнерусская словесность XI–XII вв.* (Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018).
  - 12 И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, *Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов* (Москва: Аспект-Пресс, 2004); И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, *Герменевти-*

к интерпретации текста «Повести временных лет» (впрочем, стоит отметить, что результаты последнего представляются весьма спорными). Исследование хронологических указаний «Повести временных лет», подтвердившее тезис А. Г. Кузьмина о смешении в Начальном летописании нескольких календарных стилей, осуществлено С. В. Цыбом.¹³ Предпринимаются опыты компаративного изучения древнерусского историописания с памятниками византийского (Е. Г. Водолазкин)¹⁴ и западноевропейского историописания эпохи средневековья (Т. В. Гимон).¹⁵ Современное летописеведение не ограничивается изучением «Повести временных лет», уделяя внимание и изучению летописной традиции XII–XV вв.¹⁶

Продолжается изучение Борисоглебского цикла (А. Н. Ужанков, А. М. Ранчин и др.),¹⁷ памятники которого впервые после публикации Д. И. Абрамовича (1916) были переизданы в полном объеме Н. И. Милютенко (2006).¹⁸ В вопросе текстологического взаимоотношения крупнейших памятников цикла – «Сказания о Борисе и Глебе» и «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба» – превалирует точка зрения о приоритете «Чтения», которое большинство исследователей вслед за А. А. Шахматовым датируют 1080-ми гг. (Н. И. Милютенко, А. М. Ранчин, А. Н. Ужанков и др.), над «Сказанием», формирование текста которого относят ко второму десятилетию XII в.

ческие основы изучения летописных текстов: Повесть временных лет (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2019).

- 13 С. В. Цыб, *Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»* 2-е изд., испр. (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011).
- 14 Е. Г. Водолазкин, *Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI–XV веков)* (München: Verlag Otto Sagner, 2000; 2-е изд., перераб. и доп. (Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2008).
- 15 Т. В. Гимон, *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси* (Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012).
- 16 А. Г. Бобров, *Новгородские летописи XV века* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001); Г. М. Прохоров, *Древнерусское летописание: взгляд в неповторимое* (Москва, Санкт-Петербург, Институт русской цивилизации: Издательство Олега Абышко, 2014), и др.
- 17 А. Н. Ужанков, «О времени канонизации и написания житий святых Бориса и Глеба» в А. Н. Ужанков, *Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков* (Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009), 97–164; А. Н. Ужанков, «Еще раз о времени канонизации и написания житий святых Бориса и Глеба» в А. Н. Ужанков, *Проблемы историографии и текстологии*, 167–196; А. М. Ранчин, *Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, историко-культурный контекст* (Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2017).
- 18 *Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов* Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2006).

Менее распространенной является датировка М. П. Погодина – С. А. Бугославского, относивших появление «Чтения» к началу XII в. (Ю. А. Артамонов, С. М. Михеев). После выхода в свет работы Б. А. Успенского¹⁹ возрос интерес к паримийным чтениям Борису и Глебу, появление протографа которых датируется либо серединой XI в. (Н. И. Милютенко, Н. Н. Невзорова),²⁰ либо началом XII в. (А. А. Гиппиус).²¹ Осуществляются сравнительно-исторические исследования Святовацлавского и Борисоглебского культов (М. Ю. Парамонова).²²

Среди исследований других памятников древнерусской письменности следует упомянуть работы, посвященные «Слову о Законе и Благодати» Илариона (А. Н. Ужанков),²³ «Житию Феодосия Печерского» (Ю. А. Артамонов, А. М. Ранчин, А. Н. Ужанков),²⁴ произведениям Владимира Мономаха (А. А. Гиппиус, М. Р. Ненарокова, А. С. Ищенко и др.),²⁵ а также труды, посвященные формированию культа

- 19 Б. А. Успенский, *Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси* (Москва: Языки русской культуры, 2000).
- 20 Н. И. Милютенко, «История сложения паримийного чтения Борису и Глебу» в *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 56, отв. ред. О. В. Творогов (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006), 121–145; Н. Н. Невзорова, «Паримии Борису и Глебу: опыт прочтения» в *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 56, 428–452.
- 21 А. А. Гиппиус, «“Летописные” паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст» в *Факты и знаки. Исследования по семиотике истории*. Вып. 2, ред.: Б. А. Успенский, Ф. Б. Успенский (Москва: Издательство РГГУ, 2010), 42–71.
- 22 М. Ю. Парамонова, *Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов* (Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2003).
- 23 А. Н. Ужанков, «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского (Москва: Академика, 2014).
- 24 Ю. А. Артамонов, «Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2000*, отв. ред. Л. В. Столярова (Москва: Восточная литература, 2003), 173–277; А. М. Ранчин, «Житие Феодосия Печерского: традиционность и оригинальность поэтики» в А. М. Ранчин, *Вертоград Златословный*, 165–180; А. Н. Ужанков, «Житие Феодосия Печерского: к вопросу о датировке» в А. Н. Ужанков, *Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников*, 199–211.
- 25 А. А. Гиппиус, «Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. I», *Русский язык в научном освещении* 6, no. 2. (2003): 60–99; А. А. Гиппиус, «Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. II», *Русский язык в научном освещении* 8, no. 2. (2004): 146–171; А. А. Гиппиус, «Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. III», *Русский язык в научном освещении* 12, no. 2. (2006): 186–203; М. НЕНАРОКОВА, «Vladimir Monomakh's Instruction: An Old Russian Pedagogic Treatise в *What Nature Does Not Teach. Didactic Literature» in the Medieval and Early-Modern Period*. ed. J. F. Ruis (Turnhout: Brepols, 2008), 109–128; DOI: 10.1484/M.DISPUT-EB.3.3249; А. С. Ищенко, «Владимир Мономах

Владимира Святославича (Б. А. Успенский, Н. И. Милютенко, А. В. Назаренко)²⁶, фигура которого, как показывают материалы конференции, посвященной 1000-летию со дня его кончины (2015)²⁷, вызывает большой интерес исследователей.

Продолжаются исследования «Слова о полку Игореве»²⁸, дискуссия вокруг проблемы подлинности которого, инициированная в первой половине 1960-х гг., получила продолжение после публикации полного текста исследования ее инициатора А. А. Зимина (2006), вслед за французским исследователем А. Мазоном атрибутировавшего авторство «Слова...» духовному писателю XVIII столетия Иоиллю (Ивану) Быковскому,²⁹ и монографии А. А. Зализняка (2004), обосновавшего с лингвистической точки зрения атрибуцию «Слова» автору конца XII столетия и невозможность его фальсификации автором конца XVIII в.³⁰

Наряду с исследованиями отдельных памятников опубликованы общие исследования по истории древнерусской общественной мысли (Б. Н. Флоря, А. А. Турилов и др.).³¹

-
- в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность» (Ростов-на-Дону: Антей, 2014).
- 26 Б. А. Успенский, «Когда был канонизирован князь Владимир Святославич?» в Б. А. Успенский, *Историко-филологические очерки* (Москва: Языки славянских культур, 2004), 69–122; Н. И. Милютенко, *Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: древнейшие письменные источники* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2008); А. В. Назаренко, *Князь Владимир Великий. Креститель, строитель, небесный охранитель Руси (опыт общедоступного научного изложения)* (Москва: Квадрига, 2020).
- 27 *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы конференции в память 1000-летия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г.*, отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Назаренко (Москва, Вологда: Древности Севера, 2017).
- 28 А. Н. Ужанков. «Слово о полку Игореве» и его эпоха (Москва: Академика 2015; 2-е изд. Москва: Согласие, 2020); А. А. Бурькин, *Слово о полку Игореве. Текст, язык, автор* (Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2017); А. М. Ранчин, «Слово о полку Игореве». *Путеводитель* (Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019); С. Л. Николаев, «Слово о полку Игореве». *Реконструкция стихотворного текста* (Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020).
- 29 А. А. Зимин, *Слово о полку Игореве* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006).
- 30 А. А. Зализняк, «Слово о полку Игореве»: *взгляд лингвиста* (Москва: Языки славянских культур, 2004; 2-е изд. Москва: Языки славянских культур, 2007; 3-е изд., доп. Москва: Языки славянских культур, 2008).
- 31 Б. Н. Флоря, А. А. Турилов, «Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья» в *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*, отв. ред. Б. Н. Флоря (Москва: Рукописные памятники Древней Руси,

В целом, можно говорить о динамичном развитии историографии древнерусского историописания в первые два десятилетия XXI в., функционирующей как в рамках ранее сформулированных парадигм, так и за их пределами.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУСИ XI–XII ВВ.

Что касается историографии древнерусской государственности последних двух десятилетий, то она в значительной степени несет на себе отпечатки родовой, общинно-вечевой и феодальной парадигм развития древнерусского общества, сформировавшихся в XIX–XX вв., включая и некоторые стереотипы советской исторической науки. В справедливости подобного утверждения легко убедиться, обратившись к рассмотрению основных работ, появившихся в указанный период.

Так, концепция «родового сюзеренитета» Рюриковичей над Русской землей, разрабатывавшаяся с середины 1980-х гг. А. В. Назаренко в рамках модифицированного варианта родовой теории, обогащенного сравнительно-историческими параллелями между княжескими раздлами X–XI вв. на Руси, в Чехии и Польше и династическими раздлами империи Каролингов 806 и 817 гг.³², получила продолжение в его статье «Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации» (2000), где был развит тезис о том, что первоначальной формой правления в феодализирующихся обществах являлся «родовой сюзеренитет» (*corpus fratrum*), предусматривавший наделение уделами всех наследников на равных основаниях, а в процессе его развития в политическую практику был введен сеньорат в качестве компро-

---

2009), 31–80; В. Я. Петрухин, «Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа» в *Общественная мысль славянских народов*, 81–150; Б. Н. Флория, «Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.)» в *Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.)*, отв. ред. В. Н. Флория (Москва: Знак, 2012), 9–94.

32 А. В. НАЗАРЕНКО, «Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.)» в *Древнейшие государства на территории СССР, 1985*, отв. ред. А. П. Новосельцев. (Москва: Наука, 1986), 149–157.

мисса между наделением представителей правящего рода уделами и сохранением целостности государства. Первыми попытками такого рода исследователь счел предполагаемую десигнацию киевским князем Владимиром Святославичем одного из младших сыновей, Бориса, которая привела к братоубийственной междукняжеской войне 1015–1019 гг., а также завещательное распоряжение (ряд) Ярослава Мудрого о разделе городов с установлением приоритета «брата старейшего», приведенное в «Повести временных лет» под 1054 г.³³

Эта тенденция была продолжена А. В. Назаренко в цикле статей второй половины 2000-х гг., в которых исходные тезисы подверглись корректировке.³⁴ Изначально исследователь сближал ряд Ярослава с завещаниями чешского князя Бржетислава I (1054) и польского князя Болеслава III (1138), приведенными в хрониках Козьмы Пражского и Винцентия Кадлубка (продолжая сравнительно-историческую тенденцию, сложившуюся в дореволюционной историографии). В дальнейшем он пересмотрел данную точку зрения, отметив, что от завещаний Бржетислава I и Болеслава III ряд Ярослава отличает более мягкая форма сеньората,³⁵ предприняв попытку сблизить раздел 1054 г. с разделами франкских королей из династии Меровингов и обосновав предположение о том, что ряд Ярослава санкционировал не только приоритет княжившего в Киеве «старейшего брата» Изяслава Ярославича, но и «триумвират» старших братьев, получивших уделы на территории «Русской земли» в Среднем Поднепровье, который предусматривался рядом

33 А. В. Назаренко, «Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения)» в *Из истории русской культуры*. Т. 1 (Древняя Русь), сост. В. Я. Петрухин (Москва: Языки русской культуры, 2000), 500–519.

34 А. В. Назаренко, «Братское совладение, отчина, сеньорат (Династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте)» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2005. Рюриковичи и российская государственность*, отв. ред. М. В. Бибииков, Е. А. Мельникова, В. Д. Назаров (Москва: Индрик, 2008), 132–179.; то же в А. В. Назаренко, *Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования): Древнейшие государства Восточной Европы 2007*, отв. ред. Е. А. Мельникова (Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009).

35 А. В. Назаренко, «Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые» в *Ярослав Мудрый и его эпоха*, отв. ред.: И. Н. Данилевский, Е. А. Мельникова (Москва: Индрик, 2008); То же в А. В. Назаренко, *Древняя Русь и славяне*, 10, 12–13, 28.

Ярослава в целях сохранения практики родового совладения.³⁶ Эта политическая структура повлияла на организацию древнерусской церкви в связи с организацией временных митрополий в Чернигове и Переяславле в конце 1060 – начале 1070-х гг.³⁷

С другой стороны, А. В. Назаренко выступил с критикой термина «триумвират»,³⁸ вошедшего в историографию со времени А. Е. Преснякова и характеризовавшего политический режим коллективного управления, функционировавший на Руси с середины 1050-х до того как в 1073 г. Изяслав Ярославич под давлением младших братьев, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского, был вынужден оставить Киев и отправиться в Польшу, приурочив истоки кризиса в отношениях Ярославичей к концу 1060-х гг., когда Изяслав Ярославич был изгнан из Киева восставшими киевлянами после поражения от половцев на реке Альте (1068), а его братья подчинили Новгород и Владимир на Волыни.³⁹

Еще одним важным моментом в концепции междукняжеских отношений стала гипотеза А. В. Назаренко о попытке реформы сеньората, предпринятой Владимиром Мономахом для упрочения Киева за потомками своего старшего сына Мстислава Великого, которая опиралась на высказанное в 1851 г. М. П. Погодиным предположение о том, что двоюродные братья Мономаха (сыновья Святослава Черниговского, захватившего власть в Киеве в обход старшинства), были целенаправленно устранены от наследования власти в Киеве на Любечском съезде 1097 г. Подобная реформа, закреплённая в так называемом ряде Мономаха, о котором имеется упоминание под 1132 г. в Лаврентьевской летописи, по мнению А. В. Назаренко должна была ограничить династические интересы младших сыновей

36 А. В. НАЗАРЕНКО, «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии» в А. В. НАЗАРЕНКО, *Древняя Русь и славяне*, 33, 41, 44–45; то же в *Словения, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время)*. Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина, отв. ред.: В. Л. Янин, В. Д. Назаров (Москва: Языки славянских культур, 2010), 268–283.

37 А. В. НАЗАРЕНКО, «Митрополии Ярославичей во второй половине XI века», *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, по. 1 (2007): 85–103; то же в А. В. НАЗАРЕНКО, *Древняя Русь и славяне*, 207–245.

38 А. В. НАЗАРЕНКО, «“Ряд” Ярослава Мудрого в свете европейской типологии», 30–32.

39 А. В. НАЗАРЕНКО, «Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований» в *Славно-германские исследования*. Т. 1-2., отв. ред.: А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг (Москва: Индрик, 2000), 35; То же в *Из истории русской культуры*. Т. 2. Кн. 1, сост.: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва: Языки русской культуры, 2002), 285.

Мономаха, послужив причиной династической борьбы 1132–1136 гг. в Южной Руси, вследствие которой Мономашичи в 1139 г. утратили монополию на власть в Киеве.⁴⁰

В процессе развития своей концепции А. В. Назаренко противопоставил родовые отношения внутри клана Рюриковичей феодальным отношениям на основе вассалитета-сюзеренитета за пределами княжеского рода (чем обусловлен его отказ в поздних работах от термина «родовой сюзеренитет», имеющего феодальный оттенок, в пользу нейтрального понятия «братское совладение»).

Несколько иной подход, который можно было бы обозначить как компромисс между конкурирующими в историографии теориями, представлен в монографии В. Я. Петрухина «Древняя Русь. Народ. Князь. Религия» (М., 2000), представляющей расширенный и дополненный вариант книги «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков» (М., Смоленск, 1995). Среди ее многочисленных сюжетов необходимо обратить внимание на попытки реконструкции правовых основ функционирования княжеской власти, связанных с практикой заключения договора («ряда») между князьями и местным населением, которые прослеживаются от второй половины IX до первой трети XIII вв., позволяя выявить как фольклорные мотивы, так и сугубо юридические концепты составителей «Повести временных лет». Этим реконструкциям свойственен концептуальный эклектизм, который выражается в том, что признавая древнерусское общество феодализующимся, автор характеризует систему междукняжеских отношений в терминах родовой теории, не отрицая ни княжеско-дружинного вассалитета, являющегося одним из краеугольных камней феодальной теории, ни политической роли городских общин, характерной для теории общинно-вечевого быта. Систему междукняжеских отношений В. Я. Петрухин интерпретировал как противоборство двух политических моделей: коллективного родowego сюзеренитета (замененного принципом «отчинного» владения на Любечском съезде 1097) и единовластия по византийскому образцу, используя для его характеристики понятийный аппарат как советской, так и дореволюционной историографии (С. М. Соловьёв,

---

40 А. В. НАЗАРЕНКО, «Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы» в *Древнейшие государства Восточной Европы 2004: Политические институты Древней Руси*, отв. ред.: Т. В. Гимон, Е. А. Мельникова (Москва: Индрик, 2006), 278–291; то же в А. В. НАЗАРЕНКО, *Древняя Русь и славяне*, 88–102.

В. О. Ключевский, А. Е. Пресняков). Эта тенденция проявилась и при освещении проблем формирования древнерусских городов, как центров окняжения земель, при котором использовались как гипотеза о «лествичном восхождении» князей, являющаяся элементом родовой теории, так и гипотеза о «триумvirате» Киева, Чернигова и Переяславля, восходящая к сформулированной в 1951 г. концепции А. Н. Насонова о «Русской земле» в Среднем Поднепровье как историческом ядре древнерусского феодального государства.⁴¹

Более стройной в концептуальном отношении является монография М. Б. Свердлова «Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.» (СПб., 2003, 2-е изд. СПб., 2021), продолжающая его исследования структуры древнерусского феодального строя 1980–1990-х гг. Первый этап развития древнерусской государственности автор определил как потестарный, на смену которому пришла раннефеодальная монархия середины X – первой трети XII вв., с оформившейся в XI в. разделением на сословия (духовенство, княжеская дружина, свободное и зависимое население).

Оформление раннефеодальной монархии было связано с реформами княгини Ольги и ее внука Владимира Святославича, сумевшими обеспечить создание единого Русского государства, несмотря на династические кризисы 970-х и 1010-х гг., связанные с междукняжеской борьбой Рюриковичей, обусловленной тенденцией к политической консолидации и утверждению единовластия с одной стороны, и тенденцией к установлению контроля над ключевыми городскими центрами путем их «окняжения» с другой, вступавшими в противоречие до тех пор, пока в первой половине XI в. не закрепилось представление о приоритете «старейшинства», наполненного феодально-иерархическим содержанием вассалитета-сюзеренитета, который был распространен и на базировавшиеся на пожаловании кормлений (аналогичных западноевропейским феодам и ленам) княжеско-дружинные отношения, на основе которых складывался административно-государственный аппарат, и на отношения представителей княжеского рода.

Противоречие между консолидационными и центробежными тенденциями в политике киевских князей было разрешено гипотезой о двухуровневой структуре власти, сохранявшей политическое

41 В. Я. ПЕТРУХИН, «Древняя Русь. Народ. Князь. Религия» в *Из истории русской культуры*. Т. 1 (Древняя Русь), 104–140, 167–207.

единство государства, при которой наделялись уделами братья великого князя-сюзерена (вслед за историографической традицией, заложенной Екатериной II в опубликованном в 1770 г. трактате «Антидот», М. Б. Свердлов отождествил их с апанажами, введенными в политическую практику французскими монархами из династии Капетингов).⁴² В целом, концепция М. Б. Свердлова с определенными коррективами следовала феодальной парадигме советской историографии, сложившейся во второй половине XX в., хотя нельзя не отметить стремления автора к выходу за рамки формационных стереотипов, в т. ч. посредством обращения к историографическим разработкам эпохи Просвещения и расширения ракурса исследования проблемы.

Разработку феодальной парадигмы в духе популярной в историографии второй половины XX в. концепции т. н. государственного феодализма, подразумевающего отождествление государствообразования и феодализации через установление верховной государственной собственности на землю и абсолютизацию роли дружинной корпорации в реализации этого процесса, продолжил А. А. Горский, обобщивший изданные в 1990-х гг. очерки в книге «Русь: От славянского Расселения до Московского царства» (М., 2004).

Среди них можно выделить очерки о развитии волостей-княжений Древнерусского государства («Русской земли» в широком географическом смысле), образовавшихся на рубеже X–XI вв. вокруг новых городских центров в результате «окняжения» земель, которые превратились в политически самостоятельные «земли» во второй четверти XII в. (что, в целом, соответствует периодизации раннефеодальной монархии и сменившей ее феодальной раздробленности в советской историографии 1950-х – 1980-х гг.);⁴³ критику марксистской характеристики древнерусского государства как «империи Рюриковичей», характерной для советских исследователей конца 1930-х – 1940-х гг. (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, В. В. Мавродин и др.), которая получила продолжение у исследователей рубежа XX–

42 М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.* (Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2003), 83–567.

43 А. А. Горский, *Русь: От славянского Расселения до Московского царства* (Москва: Языки славянской культуры, 2004), 9–36, 81–95, 131–147; то же в А. А. Горский. «Земли и волости» в А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович, *Древняя Русь: Очерки политического и социального строя*, отв. ред.: А. А. Горский, В. А. Кучкин (Москва, Индрик, 2008), 9–32.

XXI вв. (В. П. Даркевич, В. Б. Перхавко и др.);⁴⁴ пересмотр тезиса о «переносе» политического центра Русского государства из Киева во Владимир на Клязьме после разграбления города войсками владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского в 1169 г. в обоснование гипотезы о снижении интереса владимирских князей к южнорусским делам во второй половине XII в., и т.д.⁴⁵

Изучению правовых аспектов наследования в Древней и Средневековой Руси посвящены работы С. А. Мельникова, в которых он рассматривает князей как верховных феодальных собственников земельных владений, передававшихся по наследству в соответствии с практикой обычного права.⁴⁶

В работах Л. В. Мининковой формирование вассально-сюзеренных отношений отнесено к IX–X вв. Распространение его среди представителей рода Рюриковичей связано с первым разделом княжений, осуществленным в 970 г. князем Святославом Игоревичем, а правовое оформление этого порядка – с «рядом» Ярослава Мудрого (1054). Отмечается укрепление вассально-сюзеренных отношений в княжеской и боярской среде в конце XI – первой трети XII вв. вследствие ослабления политической роли Киева. Л. В. Мининкова идет по пути сближения отношений социальной зависимости, сложившихся между князьями и дружиной в Киевской Руси и между рыцарями и титулованной знатью в Средневековой Европе в таких аспектах как добровольность установления службы за различные формы вознаграждения при соблюдении верности обеих сторон с поправками на региональную специфику этих явлений.⁴⁷

П. С. Стефанович, делая акцент на пересмотре сложившихся представлений о дружине и отказываясь от использовавшейся в советской историографии модели «старшей» и «младшей» дружи-

44 В. П. ДАРКЕВИЧ, «Происхождение и развитие городов в Древней Руси (X–XIII вв.)», *Вопросы истории*, по. 10 (1994): 52, 56; В. Б. ПЕРХАВКО, «Этнические, политические и конфессиональные особенности “империи Рюриковичей”» в *Ad fontem / У источника. Сборник статей в честь С. М. Каштанова*, отв. ред. С. О. ШМИДТ (Москва: Наука, 2005), 205–215.

45 А. А. ГОРСКИЙ, «Русь», 116–121, 148–154.

46 С. А. МЕЛЬНИКОВ, *Правовой режим наследования престола в Древней Руси IX – начала XVI вв.* (Москва: Информ-знание, 2009); то же в С. А. МЕЛЬНИКОВ, *Историко-правовые факторы эволюции древнерусского государства IX–XV вв.* (Москва: Голден-Би, 2010).

47 Л. В. МИНИНКОВА, *Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси* (Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2008); Л. В. МИНИНКОВА, *Князь и дружина Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья* (Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018).

ны, счел, что этот полисемантический термин должен применяться для характеристики архаичных форм служебных взаимоотношений в предгосударственную эпоху, которые в XI–XII вв. сменяются более сложной социальной дифференциацией древнерусской элиты, отразившейся терминологическим многообразием в источниках. По мнению П. С. Стефановича, Домонгольская Русь не знала таких феодальных явлений как клятва верности или право отъезда в системе служебных взаимоотношений, формализация которых началась в XIII столетии и привела к появлению обязательной присяги и крестоцеловальной записи в Московском государстве XV в., которые исследователь сближает с клятвой верности в эпоху Каролингов.⁴⁸

Тенденция к пересмотру социальных функций древнерусского вече отражена в работах П. В. Лукина, который выступил против гипотез сторонников общинной парадигмы о вече как органе непосредственной демократии волостной общины полисного типа, сформулировав концепцию вече как собрания представителей городского населения, руководящую роль в котором играли представители боярской элиты. Исследователь сохранил характеристику политического строя Новгорода XII–XV вв. как боярской республики,⁴⁹ одним из разработчиков которой в исследованиях 1960-х – 1980-х гг. и в более поздних очерках по истории новгородской государственности, опубликованных в 2000-е гг., являлся В. Л. Янин.⁵⁰ О. В. Севастьянова, пересмотрев концепцию взаимоотношений великих князей с Новгородом в XII–XV вв., напротив, отказалась от характеристики Новгорода как самостоятельной республики, заменив ее характеристикой привилегированного великокняжеского города.⁵¹

Общинная парадигма социально-политического развития получила развитие в трудах И. Я. Фроянова, концепция которого, сфор-

48 П. С. Стефанович, «Князь и бояре: клятва верности и право отъезда» в *Древняя Русь: Очерки политического и социального строя*, 148–269; П. С. Стефанович, *Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках* (Москва: Индрик, 2012).

49 П. В. Лукин, «Вече: социальный состав» в *Древняя Русь: Очерки политического и социального строя*, 33–107; П. В. Лукин, *Новгородское вече* (Москва: Индрик, 2014; 2-е изд., Москва: Академический проект, 2018).

50 В. Л. Янин, *Новгородские посадники*, 2-е изд., перераб. и доп. (Москва: Языки славянской культуры, 2003, 3-е изд. Москва: Академический проект, 2017); В. Л. Янин, *Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории* (Москва: Наука, 2004); В. Л. Янин, *Очерки истории средневекового Новгорода* (Москва: Языки славянских культур, 2008, 2-е изд., перераб. и доп., Москва: Русский Мир, 2013).

51 О. В. Севастьянова, *Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII – первой половине XV в.* (Москва, Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2011).

мировавшаяся в середине 1960-х – середине 1990-х гг., восходила, с одной стороны, к представлениям об общинно-вечевом характере общественного строя, сформулированным в дореволюционной историографии второй половины XIX в. (Н. И. Костомаров, И. Д. Беляев, В. И. Сергеевич и др.), а с другой стороны, к представлениям о дофеодальном периоде, сформулированным в советской историографии 1930–1960-х гг., которые охарактеризованы исследователем в монографиях 1970-х гг. как эпоха «общинности без первобытности», при отрицании крупного феодального землевладения как основы общественного строя в пользу представления о многоукладной экономике и внеземельных (дофеодальных) пожалованиях.⁵²

В монографиях 1980–1990-х гг., посвященных изучению политической структуры древнерусских городов-государств, возникших из «суперсоюза» восточнославянских племен на рубеже X–XI вв. и возглавляемых князьями из рода Рюриковичей, находившимися на службе волостных вечевых общин, И. Я. Фроянов подчеркивал доклассовый характер социальных отношений, которые были архайзиррованы за счет привлечения данных антропологии (Дж. Фрэйзер и др.),⁵³ что отразилось на авторской интерпретации фактов общественно-политической борьбы. Из поздних работ И. Я. Фроянова следует упомянуть публикацию кандидатской диссертации по категориям зависимого населения (защищена в 1966)⁵⁴ и публикацию лекционного курса по истории Киевской Руси, читавшегося в Санкт-

---

52 И. Я. Фроянов, *Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974); И. Я. Фроянов, *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1980); то же в И. Я. Фроянов, *Начала русской истории. Избранное* (Москва: Парад, 2001).

53 И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко, *Города-государства Древней Руси* (Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988); И. Я. Фроянов, *Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы IX–XIII столетий* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992); И. Я. Фроянов, *Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.)* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996); И. Я. Фроянов, *Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы* (Москва, Санкт-Петербург: Златоуст, 1995, 2-е изд. Москва: Академический проект, 2021); то же в качестве учебного пособия с расширенным справочным аппаратом в И. Я. Фроянов, *Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть* (Москва: Русский издательский центр, 2012, 2-е изд. Москва: Русский издательский центр, 2014, 3-е изд. Москва: Русский издательский центр, 2018).

54 И. Я. Фроянов, *Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды)* (Санкт-Петербург: Астерион, 2010).

Петербургом государственном университете⁵⁵, где суммируются его наблюдения над конкретно-историческим материалом IX–XIII вв.

На рубеже XX–XXI вв. эта историографическая тенденция получила развитие в работах последователей И. Я. Фроянова, посвященных изучению общинно-вечевого строя XI–XV вв. в Галицко-Волынской земле (А. В. Майоров), Муромо-Рязанской земле (М. В. Кривошеев), Новгородской земле (А. В. Петров), Псковской земле (А. В. Валеров), Киевской земле (Д. М. Котышев)⁵⁶ с определенными концептуальными вариациями.

Так, В. В. Пузанов, сохранив данную И. Я. Фрояновым характеристику начального этапа развития древнерусской государственности как «суперсоюза» племен, модифицировал представления о политическом развитии сменивших их в XI в. городов-государств, предположив, что они представляли собой федерации сложного типа, в которых от центральных городов-государств «Русской земли» в Среднем Поднепровье зависели периферийные города.⁵⁷ К представлению о федеративном характере территориально-политической структуры, состоявшей из корпораций, образованных в XII в. жителями кварталов («концов» и «сторон»), пришел А. В. Петров, объяснивший их соперничеством природу внутриобщинных столкновений в Новгороде.⁵⁸

55 И. Я. Фроянов, *Лекции по русской истории. Киевская Русь* (Санкт-Петербург: Русская коллекция, 2015).

56 А. В. МАЙОРОВ, *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община* (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001); М. В. КРИВОШЕЕВ, *Муромо-Рязанская земля. Очерк социально-политической истории XI – начала XIII вв. по материалам повестей* (Гатчина: Издательство Салезианского центра Дон Боско, 2003); А. В. ПЕТРОВ, *От язычества к святой Руси: Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2003); А. В. ВАЛЕРОВ, *Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XV вв.* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2004, 2-е изд., Санкт-Петербург: Алетейя, 2017); Д. М. КОТЫШЕВ, *От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье IX–XII вв.* (Москва: Центрполиграф, 2019). К этой же группе исследований относится монография А. Ю. Дворниченко, *Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв.* (Москва: Весь мир, 2013), защищенная в качестве кандидатской диссертации в 1983 г.

57 В. В. Пузанов, *Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты* (Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2007), 202–204, 352–358; то же в дополненном издании: В. В. Пузанов, *От праславян к Руси: становление древнерусского государства (факторы и образы политогенеза)* (Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2017), 237–287, 394–405.

58 А. В. ПЕТРОВ, *От язычества к святой Руси*, 141–160.

А. Ю. Дворниченко и Д. М. Котышев пересмотрели начальный этап генезиса древнерусской государственности в X–XI вв., охарактеризовав его не как «суперсоюз» племен, а как «вождество». ⁵⁹ Следствием смещения фокуса внимания с коллективного фактора консолидации на консолидирующую функцию власти князей из рода Рюриковичей стало сближение общинно-вечевой теории с концепцией «родового сюзеренитета» в трактовке А. В. Назаренко. ⁶⁰

В развитие наблюдений А. В. Назаренко о сеньорате как заключительном этапе развития «родового сюзеренитета» Д. А. Боровков, осуществив текстологический анализ фрагментов «Повести временных лет» с упоминанием приоритета «старейшинства», пришел к выводу о вторичности этих упоминаний в летописных статьях 988, 1015, 1026, 1054, 1078 гг., отнеся их появление к последней трети XI – началу XII вв., когда декларирование приоритета «старейшинства» соответствовало легитимному порядку замещения киевского стола, сложившемуся после заключения мирного договора между Изяславом и Всеволодом Ярославичами в 1077 г. при поддержке Киево-Печерского монастыря и сохранявшемуся до вокняжения в Киеве в 1113 г. Владимира Мономаха. ⁶¹

Таким образом, представления о социально-политических основах древнерусской государственности в российской историографии 2000-х – 2010-х гг. развиваются в рамках историографических парадигм, сложившихся в дореволюционный и советский период, хотя нельзя не отметить наличие тенденций к их преодолению путем расширения возможностей источниковедческого синтеза и попыток внеконцептуальной интерпретации источникового материала.

---

59 А. Ю. Дворниченко, «О восточнославянском политогенезе в VI–X вв.» в *Rossica Antiqua 2006. Исследования и материалы*, отв. ред.: А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006), 184–195; А. Ю. Дворниченко, *Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие* (Москва: Весь мир, 2010), 101–131; Д. М. Котышев, *От Русской земли к земле Киевской*, 40, 78.

60 Д. М. Котышев, *От Русской земли к земле Киевской*, 92–105.

61 Д. А. Боровков, *Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII вв. и их репрезентация в источниках и историографии* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2015; 2-е изд. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016; 3-е изд.: *Междукняжеские отношения на Руси. Конец X – первая четверть XII вв.*, Москва: Центрполиграф, 2021).